

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ДНЕВНИКА ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

* * *

Глубокая осень 1967 года. Я сижу на втором этаже старенькой переделанной дачи в гостях у Ярослава Смелякова. Мы недавно закончили работу над юбилейным (пятьдесят лет Октябрьской революции!) “Днём поэзии”. И он, главный редактор альманаха, пригласил меня, составителя, скромно отметить это событие... Мы поздравили друг друга. Выпили. Ярослав Васильевич закурил и надолго замолчал, глядя из окна на осеннее золото лиственниц и берёз. Бледное лицо со впалыми щеками, жидкие светлые волосы, хриплый голос, застуженный на всю жизнь то ли на финских, то ли на интинских ветрах. В эти же дни мы с ним записывали на фирме “Мелодия” пластинку стихотворений Заболоцкого в нашем исполнении, Смеляков читал свои любимые стихи Николая Алексеевича, я – свои... И вдруг, глядя из окна дачи на траву, покрытую инеем, отсидевший три лагерных срока Смеляков своим глухим надтреснутым голосом начал читать стихотворенье Заболоцкого, тоже растерявшего здоровье на берегах Амура и в степях Казахстана:

*Где-то в поле возле Магадана
посреди опасностей и бед
в испареньях мёрзлого тумана
шли они за розвальнями вслед <...>*

*Вот они и шли в своих бушлатах,
два несчастных русских старика,
вспоминая о родимых хатах
и томясь о них издалека...*

Смеляков читал стихотворенье так, как будто бы один из стариков был Заболоцкий, а другой он сам.

*Стали кони, кончилась работа,
смертные доделались дела,
объяла их сладкая дремота,
в дальний край, рыдая, повела.*

*Не догонит больше их охрана,
не достигнет лагерный конвой.
Лишь одни созвездья Магадана
засверкают, встав над головой.*

Закончив чтение, Ярослав Васильевич наполнил наши рюмки и глухо произнёс:

— Вечная ему память!

Чтобы отвлечь старика от невесёлых мыслей, я ответил ему на трагическую ноту Заболоцкого его собственным знаменитым в советскую эпоху стихотворением:

*Вдоль маленьких домиков белых
акация душно цветёт.
Хорошая девочка Лида
на улице Южной живёт <...>*

*В оконном стекле отражаясь,
по миру идёт не спеша
хорошая девочка Лида.
Да чем же она хороша?*

*Спросите об этом мальчишку,
что в доме напротив живёт.
Он с именем этим ложится
и с именем этим встает.*

*Недаром на каменных плитах,
где милый ботинок ступал,
“Хорошая девочка Лида”, —
в отчаяньи он написал.*

Смячков как-то застенчиво и неумело улыбнулся беззубым ртом, словно бы благодаря меня за то, что я вмешался в его невесёлые воспоминания, прочитав ему светлые, сентиментальные, чистые строчки, написанные им в грозном 1941 году...

... С того осеннего дня прошло почти полвека. Я сижу в своей калужской квартире, оставшейся мне в наследство от покойной матушки, и перелистываю смячковский однотомник из “Большой серии поэта”, чтобы составить своё “избранное” из этого однотомника, включив туда всё самое живое, самое глубокое и высокое из его поэтического наследия, отбросив всё временное и поверхностное, что, к сожалению, есть и у него, да, наверное, и у каждого из нас...

Название я придумал давно — “Терновый венец”, и предисловие к избранному написал... Дошёл до трогательного и сентиментального стихотворения “Хорошая девочка Лида”. Задумался: включать или нет, — и, почувствовав, что устал от работы, решил прогуляться по осеннему Загородному саду. День был солнечным, но ветреным и холодным. Листва шумно осыпалась с жёлтых лип и багровых клёнов. С высокого берега в промежутках среди стареньких тёмных домов поблёскивала стальная лента Оки. Постояв на ветру, я развернулся и пошёл обратно, но, проходя мимо своего дома, увидел на цоколе три слова, прочитав которые вздрогнул: чёрной краской, видимо из баллончика, на фасаде дома были выведены слова: **“Дашка правит миром”**. Меня словно громом ударило: как изменились воздух времени и души люди, живущий на заборах, на фасадах домов, на тротуарах! Сколько в ту же эпоху, когда “два несчастных русских старика” замерзали “в поле возле Магадана”, было разлито в воздухе любви, добросердечия, обожания и веры в добро, сколько было девочек, похожих на “хорошую девочку Лиду”, и сколько гордыни, агрессии, диктата излучает нынешний слоган “Дашка правит миром” — не “восхищается”, не любит этот мир, но именно “правит”. Не “Даша” или “Дашенька”, а именно “Дашка”. Представляю, как её поклонник гордится этим признанием, сделанным в Дашкину честь.

Поистине два этих эпитафия о “Лиде” и “Дашке” выражают сущность двух эпох – той незабвенной, человеческой, советской и нынешней звериной, сверхчеловеческой.

А тут мой взгляд упал ещё на два слова на том же цоколе: **“Убей мента!”** Боже мой! И это в стране, где был снят фильм о добродушном, но справедливом милиционере Анискине, где были написаны строки Владимира Маяковского “розовые лица, револьвер жёлт – моя милиция меня бережёт”, где в 30-е годы образ “дяди Стёпы” был для подростков не менее привлекателен, нежели образ Юрия Гагарина для мальчишек шестидесятых годов.

А тут – **“Убей мента!”** До чего же мы докатились... Но как аукнется, так и откликнется, вот о чём надо помнить.

* * *

“Завтра мы отмечаем, – торжественно сообщила какая-то телевизионная дикторша, – День памяти жертв СПИДа”... Ну, прямо как день памяти жертв политических репрессий или жертв холокоста... Мир скатывается в стихию абсурда. СПИД, за редким исключением (переливание крови), – наказание за грех: за наркоманию, за педерастию, за растленную жизнь. Почему бы тогда не отмечать день памяти жертв алкоголизма или жертв сифилиса? Целевые комиссии по СПИДу созданы, лотереи разыгрываются в пользу спидоносцев, концерты мировых звёзд эстрады устраиваются в их честь.

Заболеть СПИДом – всё равно что принести какую-то жертву во имя человечества, подвиг совершить, собою пожертвовать.

А всё потому, что происхождение постыдной болезни – американское, и многие поп-звёзды померли от неё, а иные переболели, и на них молятся, они фигуры культовые, и, значит, СПИД – болезнь почитаемая, сакральная... Как падучая у Магомета. Как писал в своё время Пушкин о другой “священной болезни” в “Сцене из “Фауста””: “И модная болезнь – она // недавно к нам завезена”, – говорит Мефистофель о сифилисе, но Фауст знает, что делать с кораблём, нагруженным сифилитиками, и коротко приказывает: “Всё утопить”.

* * *

В 2010 году, когда страна отмечала 65-летие Победы, “Новая газета” посвятила ветерану войны А. С. Черняеву аж три полосы текста, которые начались поздравлением главного редактора газеты:

“Анатолий Сергеевич Черняев – выдающийся мыслитель, политик, тот самый знаменитый “помощник” Горбачёва, который спасал от партийных деспотов и КГБ опальные театры, опальных режиссёров, актёров, художников, писателей. Черняев – один из “архитекторов демократии” в нашей стране. Любимец женщин, любитель нелицемерных застолий, один из первых, кто дал отпор экзачепистам на форосской даче, где был интернирован вместе с Горбачёвым. Черняев – бесстрашный интеллектуал. Анатолий Сергеевич, спасибо большое за боевые и гражданские победы.

Дмитрий Муратов”.

А заканчивались эти три полосы словами переводчицы Лилианы Лунгиной, известной по книге “Подстрочник”, с которой Черняев учился в ИФЛИ в предвоенные годы:

“Толя Черняев был похож на Горького – очень русский тип лица, коротко стриженные волосы, ясный, прямой взгляд. На фото на нём белая рубашка, чёрный галстук и зелёный пиджак <...>. Жил Толя в Марьиной Роще, тогда очень бедном районе, у них было две комнаты в ветхом деревянном доме. Он учился с большим рвением, хотел быть первым в классе, умел и любил играть на фортепиано. Застенчивый, с менявшимся в те годы голосом, совершенно не способный ко лжи и очень принципиальный. Намного позже, когда Толя оканчивал исторический факультет, он женился на студентке-еврейке – по любви и из протеста. Ему дали понять, что если он хочет сделать карьеру, то должен прервать отношения с этой девушкой. И через несколько дней они поженились. Сегодня Толя – один из ближайших советников Горбачёва, мы до сих пор дружим”.

Мысль Лунгиной о том, что женитьба на еврейке может помешать карьере мужа, напомнила мне другие размышления на ту же тему из книги «Поэтический пантеон победной войны» (М., 2005) недавно умершего члена-корреспондента Российской Академии наук Петра Алексеевича Николаева.

Я помню его скучнейшие лекции по истории литературы, с которых в 1952–1953 годах мы, студенты 1-го и 2-го курса филфака МГУ, сбежали из Коммунистической аудитории целыми группами, и оставалось нас от всего курса слушать лекции «Петруши», как мы его звали, не больше, чем остаётся депутатов в нынешней Госдуме во время самых никчёмных и пустых её заседаний.

Однако карьеру при полном отсутствии способностей выходец из мордовской провинции Николаев сделал удивительную, и рассказал в вышеупомянутой книге о секретах этой карьеры с редким, мягко говоря, простодушием, а вернее, с той простотой, которая, по русской пословице, «хуже воровства»:

«Известно, что в 1920–1930-е годы люди, желавшие идти во власть, стремились жениться на еврейках и даже пытались изменить имена своих жён с русских на еврейские. С такой женщиной (женой министра путей сообщения Ковалёва) мне пришлось однажды откровенно разговаривать о том, почему она своё девичье имя Дарья сменила на Дору. Муж сказал, что он не сделает карьеру, если она оставит своё русское имя».

Женой мордовского паренька Петра Николаева стала женщина по имени Ирина Иосифовна, дочь медика сталинской эпохи в генеральском звании. Ей не нужно было, как русской жене министра путей сообщения, притворяться еврейкой, с этим у неё всё было в порядке. Недаром её Петруша ещё до необыкновенных карьерных успехов в профессорских, академических и прочих сферах, уже в 29 лет, как пишет сам «великий российский учёный» (из предисловия к книге), «участвовал в заседании Центрального Комитета партии в январе 1953 года, где обсуждался вопрос с ошеломляющим названием «О трагическом состоянии Советского кино». Мне было 29 лет, я уже работал председателем сценарной коллегии министерства кинематографии и потому был приглашён на это высокое собрание». Ирина Иосифовна занимала крупные посты в Государственном Комитете по печати СССР, так что с карьерой у Николаева всё было в ажуре. Он стал заслуженным профессором МГУ, вице-президентом Российской Академии словесности, секретарём Союза писателей СССР, автором 18 книг, читал лекции в 48 университетах мира и т. д. Ныне, через несколько лет после смерти его имя навсегда и заслуженно забыто. Так что Лиλιана Лунгина лукавила, когда сокрушалась о том, что, женившись на еврейке, несчастный и честный Толя Черняев поставил крест на своей карьере. Всё вышло совсем наоборот. Сведения, взятые из Википедии, гласят, что Черняев после войны окончил исторический факультет МГУ, преподавал в 1950–1958 годах новейшую историю в том же МГУ, дослужился до заведующего кафедрой, а в 1958–1961 годах переехал в Прагу и поступил на работу в журнал «Проблемы мира и социализма», в «инкубатор» по воспитанию либеральной кадровой партийной элиты... Тут-то и начинается триумфальный путь Черняева к высотам партийной власти. В 1961–1986 годах он служит в Международном отделе ЦК КПСС: сначала – референтом, потом – помощником заведующего отделом, потом – руководителем группы консультантов. В 1970–1986 годах он был заместителем заведующего отделом и одновременно членом Центральной ревизионной комиссии КПСС. В 1981–1990-м годах – член ЦК КПСС, в 1989–1991-м – народный депутат СССР от КПСС. И самый головокружительный взлёт карьеры – в 1986–1991 годы: Черняев – помощник Генсека ЦК КПСС, а затем – президента СССР М. С. Горбачёва по международным делам. С 1992 года он сотрудник Горбачёв-фонда и руководитель проекта «Документальная история перестройки. Внешняя политика перестройки».

Бывший посол Великобритании в СССР, а затем и в России Родрик Брейтвейт писал о Черняеве, что тот во время своего пребывания в аппарате ЦК КПСС «поддерживал связи с учёными в области политических наук, экономистами, специалистами по международным делам, жившими в престижных «мозговых центрах», а также с художниками, театральными режиссёрами и музыкантами либерального толка. Он, как и они, не был диссидентом. Но и он, и они были частью интеллектуального мира, выработавшего «новое мышление», которое принесло практические плоды, когда Горбачёв возглавил коммунистическую партию».

(Брейтвейт Р. «За Москвой-рекой». Перевернувшийся мир. М., 2004. С. 101.)

Черняев – автор нескольких книг, восхваляющих и оправдывающих идеологию и практику горбачёвщины: “Шесть лет с Горбачёвым” (М., 1993), “Моя жизнь и моё время” (М., 1995), “1991 год: Дневник помощника Президента СССР” (М., 1997), “Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы” (М., 2008).

Одним словом, мы имеем дело с жизнью и карьерой одного из крупнейших функционеров советской эпохи, сделавшего всё, что было в его силах, чтобы разрушить Советский Союз под руководством своего шефа. В мае 2013 года Черняеву, одному из последних долгожителей и ренегатов нашего времени, исполнилось 92 года. “Вечный жид”, – может быть, подумает кто-то. Нет, к сожалению, Анатолий Сергеевич – русский шабесгой, вовремя жевившийся на еврейке.

В “Новой газете” от 12 апреля 2010 года публикуются “свидетельские показания капитана Анатолия Черняева о Великой Отечественной войне”. Воспоминания первые месяцы войны, Черняев негодует, что их, студентов, заставляли рыть противотанковые рвы: “Это была совершенно бессмысленная затея. Немцы нас обстреливали, бомбили, потом просто обходили эти наши рубежи”... Может быть, оно и так. Но осенью 1941 года, когда немцам приходилось терять время, чтобы “обстрелять”, “отбомбить”, “обойти” эти злополучные рвы, для нас был дорог каждый день, каждый километр расстояния, каждая задержка мощного врага, рвавшегося к Москве. Может быть, эти “лишние” дни, потерянные немцами, в итоге и помогли нашим отступающим с боями частям сорвать немецкий “блицкриг”.

Потом бывший ифлиец выставляет счёт незабываемых личных обид сталинскому режиму: “Первое унижение: обрили наголо. Он считал единственной красотой физиономии свою причёску”. Большое унижение. Можно сказать, трагедия. Второе унижение: когда он попал в число новобранцев, из которых под Горьким формировались регулярные части, то увидел, что “на огромном пространстве – землянки... В них копошились без дела тысячи мобилизованных. Спали вповалку. Кормили чем-то непонятно отвратительным. “Туалет” запомнил на всю жизнь. Соседний редкий лес, просека метров пятьдесят шириной, загажено настолько, что ступить некуда”.

Вот какие страшные испытания переживал наш ифлиец из простонародья, когда немцы уже рассматривали в бинокли Кремль и Красную площадь. А тут страдания от того, что сортиров не было построено. Прямо-таки сцена из поэмы Есенина “Страна негодяев” в исполнении Чекистова-Лейбмана:

*Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячи лет.
Потому что...
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет!*

После первых декабрьских боёв под Москвой Черняев впервые увидел медсанбат, и это поразило его:

“Раненых снимали с саней. В палатках не хватало мест. Раненые лежали прямо в снегу. Мороз градусов под тридцать. Стоны, ругань”.

Ну, что сказать? Тяжкая картина, но вспоминается стихотворение ровесника Черняева Бориса Слуцкого “Госпиталь”, в котором поэт описывает фронтovou госпиталь в разбитой церкви, где раненые кричат, впадают в забытё, умирают, где наш молоденький комбат просит санитаров оттащить от него подалеже умирающего немецкого унтера, “чтобы он своею смертью чёрной // нашей светлой смерти не смущал”. Стихотворение заканчивается так:

*И снова ниспадает тишина.
И новобранцу свидетельствуют воины:
— Так вот она какая здесь война!
Тебе, видать, не нравится она —
Попробуй перевоевать по-своему!*

“Я участвовал в двух атаках. За всю войну – всего в двух! Как правило, после уже первой атаки человек либо бесповоротно искалечен, либо сошёл с ума, либо мёртв”, – пишет Черняев.

Я помню, как в 70-е годы прошлого века несколько охотничьих сезонов прожил на Нижней Тунгуске в зимовье, куда меня пригласил Роман Иванович Фарков, прошедший солдатом всю войну. Он рассказывал мне о многих атаках, в которых ему приходилось бежать, кричать, стрелять, падать. Он остался жив и не сошёл с ума. Думаю, что таких ветеранов с медалями “За отвагу”, с орденами Славы вернулось с войны много и много тысяч. Они жили среди нас и были нормальными русскими людьми.

Вспоминая об атаках, Черняев говорит корреспондентке Зое Ерошок: *“Никогда русский мужик в атаке не произносил эти слова: “За Родину! За Сталина!” Не до товарища Сталина ему. Он матушку свою не вспоминает. Впрочем, нет, мать вспоминает (смеётся), но другую... Е...Т...М!!! Если человек в атаке чего и орал, так это был сплошной мат”*.

Конечно, тем, кто воевал, видней, но трудно верится в это. Хотя бы потому, что крик во время атаки имеет одну цель: сплачивать солдат в одно монолитное многоголосье. Голоса людей, встающих в атаку, должны сливаться в один воодушевляющий рёв, а этот рёв может сложиться лишь из гласных звуков, вылетающих изо рта... Для солдат всех времён и народов каким может быть самый объединяющий и воодушевляющий звук? Это не “и”, не “у”, не “е”, не “о” и, конечно, не “ё” – все эти звуки приходится произносить (особенно если кричать), с усилием напрягая губы и мышцы лица. Единственный естественно и легко вылетающий из распахнутых губ звук – это “а”! Откроешь пасть – и сразу орёшь: “а-а-а!!!” Отсюда и “Ура-а-а!”, и “Б-а-нза-ай!”, и “Алл-а-ах а-кба-ар!” “А! – А! – А!” Могучий и естественный звук войны, вылетающий из глотки бегущего, задыхающегося человека. И потому кричать “За Ст-АлинА-А” гораздо естественнее, нежели хором выговаривать длинное похабное ругательство, состоящее почти из одних неудобопроизносимых согласных: “б, т, в, м, т”... Природа человеческой речи опрокидывает лживые измышления Черняева, что русские люди бежали в атаку, скандируя изошрённые матерные ругательства. Не получается из этого нагромождения натякающихся друг на друга согласных одного мощного звука, объединяющего всех...

Я уж не говорю о том, что в годы войны имя Сталина воспринималось простонародьем совсем по-другому, нежели после XX съезда и лживого хрущёвского доклада на нём. Вспомним ещё одно стихотворение Бориса Слуцкого о Зое Космодемьянской:

*Под виселицу белую поставленная,
В смертельной, окончательной тоске
Кого она воспомянула? — Сталина.
Что он — придёт! Что он — невдалеке.*

*О Сталине я думал всяко-разное,
Ещё не скоро подобью итог.
Но это слово, от страданья красное, —
За ним. Я утаить его не мог.*

С таким отношением к Сталину люди той эпохи, конечно же, могли идти в атаку с его рАскАтИстыМ именем.

Но это ещё цветочки. Я просто не понимаю, как может человек, сам прошедший войну, профессиональный историк – опускаться до такой лжи, до которой не опустились никакие сванидзы:

“Кадровый командный состав был выбит Сталиным до войны весь – до уровня взвода, роты, батальона”. Такую ложь даже опровергать нет никакой необходимости.

Черняев хочет уверить читателей, что Сталин боялся и ненавидел офицеров, вернувшихся с войны, потому что они *“были потенциальными декабристами, они повидали Запад, они нажили новое человеческое достоинство”*... Это где же они *“нажили человеческое достоинство”* – на немецко-венгерско-румынско-итальянско-австрийско-хорватском фашистском Западе?

А уж когда Черняев начинает рассуждать о “еврейском вопросе” в сталинское время, то становится совсем смешон:

“Мы до войны совсем не отличали никаких национальностей... Я в школе учился, например, с Лилькой Маркович, это Лунгина, там на две трети были евреи, но мне в голову не приходило, что вот я – русский, а они – евреи...”

Но если ты не мог отличить русских от евреев, то как ты мог понять, что в школе *“на две трети были евреи”*, и почему Лунгина пишет о том, что Черняев *“женится на студентке-еврейке – по любви и из протеста”*? Значит, всё-таки он кое-как, с трудом, но догадался, что его будущая жена еврейка и что две трети его класса – её соплеменники? Ну, тогда, конечно, трудно было в таком классе найти русскую жену! Видимо, связав свою судьбу и карьеру с лжецом Горбачёвым, наш *“выдающийся мыслитель”*, профессиональный историк и верный член ЦК КПСС перестал отличать не только русских от евреев, но и правду от лжи. Как говорится, *“с кем поведёшься, от того и наберёшься”*.

* * *

На днях я написал письмо своему давнему старшему товарищу, награждённому боевыми орденами и медалями, приславшему мне на прочтение свою новую повесть.

“Дорогой мой друг! Мы начинаем составлять наш майский победный номер, и я ещё раз перечитал твою повесть. Прекрасный язык, мастерское изображение характеров, трогательные чувства дружбы по отношению к своим однокласскам-однопольчанам, последнему призыву Великой Войны, – всё это восхищает меня.

Но есть места в рукописи, которые я обязан обсудить с тобой откровенно и спокойно...

Ты пишешь: *“более четырёх миллионов пленных и более миллиона “советского народа” воевало на стороне противника”*. Итого, по-твоему, пять миллионов бывших советских солдат и офицеров надели форму вермахта. Не много ли? Да, пленных наших в немецких лагерях было около четырёх миллионов. (Кстати, к концу войны в наших лагерях было более чем 2,5 миллиона пленных вермахта, так что мы почти поквитались с ними). Но почему ты утверждаешь, что все наши, кто был в плену, *“воевали на стороне противника”*? Откуда ты взял эту фантастическую цифру? Вся армия вермахта, по имеющимся у меня справочникам, к началу войны состояла из 3 млн 300 тысяч человек, к ноябрю 1942 года их стало 3 млн 400 тысяч, к лету 1943-го – 3 млн 500 тысяч, к январю 1944-го – 2 млн 800 тысяч, к весне 1945-го – 2 млн человек... А где же тогда воевали и служили на стороне Германии ещё 5 млн бывших советских военнослужащих? По-твоему получается, что советских людей в войсках вермахта было больше, нежели немцев и их сателлитов. Цифры о количестве немецких войск на нашем фронте я взял из солидного двухтомника *“Банкротство стратегии германского фашизма”* (М., “Наука”, 1975 год). Цифры эти с небольшими расхождениями совпадают с цифрами из других справочников, изданных, в том числе, и в наше время.

Ну, скажи мне, как я могу дезориентировать твоими *“пятью миллионами”* читателей лучшего в России журнала, которые верят ему?

Помнится мне, что во власовских войсках было лишь две дивизии, сформированные из бывших военнопленных, но воевали в них всего около пятидесяти тысяч человек, которых Гитлер всё равно не доверял сражаться против советских частей. Одна из дивизий проводила карательные операции в Югославии, а другая освободила от немцев часть Праги и только потом вошла в лёгкое столкновение с советскими частями. Многие власовцы, не воевавшие с нами, ушли в американско-английскую зону и сдались там нашим союзникам... Никаких серьёзных сражений власовцев с советскими частями не было.

Подумай только, что по твоим цифрам получается, что большая часть вермахта состояла из наших бывших военнослужащих, – 5 миллионов! Но из этих пяти миллионов пленных половина погибла в немецких концлагерях, сотни тысяч были угнаны на работы в гитлеровскую часть Европы, множество пленных было освобождено нашими войсками из концлагерей в последние месяцы войны, какая-то часть была освобождена из лагерей, находившихся в зоне американско-английской оккупации, и они остались на Западе, испугавшись возвращения на Родину, стали невозвращенцами, жили в лагерях *“Ди-Пи”*. Вот так и *“рассосались”* эти 5 миллионов, якобы *“воевавшие”* против своей Родины на стороне гитлеровской орды.

А теперь другое моё недоумение. Ты пишешь, что тех советских граждан, кто оставался в оккупации, после освобождения *“не принимали в институты, не говоря уже о партии, не доверяли руководящих постов, даже низовых”*.

Да, во всех анкетах тех лет была графа: “находился ли в оккупации”. Я сам заполнял такие анкеты. Но я свидетельствую, что многие из моих калужских друзей, **бывших в оккупации**, после окончания школы поступили в лучшие вузы страны, многие мои товарищи по МГУ, куда я поступил в 1952 году, были из Западной Украины, из Белоруссии, из русских областей, бывших под немцами, и ничто не помешало им в сталинское время стать студентами великого МГУ. Сдал экзамены на “отлично” – и всё. Ты студент. Со стипендией и общежитием. Более того, мои знакомые писатели Виталий Сёмин из Ростова, Микола Петренко из Львова, Александр Говоров из Курска тоже были в оккупации, но без проблем поступили в Литературный институт. Более того, писатели старшего поколения Юрий Пиляр, Борис Бедный, Степан Злобин, Александр Власенко, Константин Воробьёв, Ярослав Смеляков, Виктор Кочетков побывали в немецком плену, и это не помешало им стать членами Союза писателей СССР, издавать книги, получать квартиры, работать на преподавательской работе, учиться на Высших литературных курсах и даже вступить в партию. Известный поэт Виктор Кочетков вообще стал крупным партийным начальником – был освобождённым секретарём парткома московской писательской организации. Проверялось лишь одно: чтобы живший на оккупированной территории или сидевший в плену не сотрудничал с оккупантами, не выславивался перед лагерными или оккупационными властями.

А Ярославу Смелякову его лагерное прошлое в гитлеровском плену не помешало стать лауреатом Государственной премии СССР. С одним из таких лагерников – писателем и журналистом Николаем Непомнящим – я в 1960 году работал в журнале ЦК ВЛКСМ “Смена”, где он заведовал отделом очерка и публицистики, и я был у него в подчинении.

Ты пишешь, что не давали тем, кто жил в оккупации, ни “ответственных постов”, ни “партийных билетов”. А как же ты забыл о судьбе Михаила Горбачёва, бывшего со всей семьёй в оккупации, что не помешало ему в 20 лет стать членом КПСС, потом окончить философский факультет МГУ, стать комсомольским вождём своего Ставрополя, потом – партийным секретарём обкома, а потом и Генеральным секретарём ЦК КПСС! Объясни мне эту загадку! Неужели КГБ не знал об этом?

Да, анкета была, вопрос в ней о жизни в оккупации был, но лишь для того, чтобы просеять и выявить, кто по своей воле охотно сотрудничал с оккупантами. К таким – да, власть была беспощадна. В моей родной Калуге после её освобождения были повешены бургомистр со своим заместителем (оба местные). А сколько у них было помощников! Немцы же везде пытались создать органы самоуправления под своим контролем, создавали систему полицаев из местных. И конечно, всех таких после освобождения советская власть наказывала жестоко. А что было делать, если война шла не на жизнь, а на смерть!

Оуновцы, бандеровцы, “лесные братья”, чеченские батальоны, крымские татары и т. д. Ну, как тут без анкеты обойдётся, особенно в первые послевоенные годы, когда время от времени вспыхивали судебные процессы над разоблачёнными полицаями и коллаборационистами... Ну, посуди сам, как я могу оставить без комментариев такую неприемлемую для меня точку зрения? Особенно сейчас, когда столько клеветы и грязи льётся на нашу многострадальную Победу. У меня у самого был родственник – брат мужа моей родной тётки. Пошёл добровольно служить сразу, как только немцы вошли в Калугу, в управу. После освобождения Калуги его поймали в Калужском бору и расстреляли. И правильно сделали. Не успел убежать, немцы сами его, иуду, бросили, как собаку. Но ни его братьев, ни его жену, ни его сына власть не тронула, не лишила ни жилья, ни продуктовых карточек, ни работы. Сын его окончил в Калуге десятилетку и поступил в институт, но конечно мы, уличные ребята, в свою компанию его не принимали. Частенько ты вообще пишешь размашисто: о том, что “кремлёвские мудраки” “преступно бросили” население под власть немцев... Да пойми же, что мы были слабее объединённой фашистской Европы, потому и отступали до Москвы, пока не собрались с силами. Так можно назвать “кремлёвскими мудраками” и Кутузова с Александром I, которые тоже “бросили” в 1812 году свой народ, своё население под власть Бонапарта с его мародёрами, а в придачу ко всей европейской части России ещё и Москву отдали... А причина всё та же: они тоже на первом этапе войны были слабее объединённой Европы. Ты размашисто пишешь: “Ярко

алели в лучах солнца, будто налитые кровью, складки знамени. На ум пришла мысль: “Почему большевики возлюбили цвет крови, возведя его в символ?”

Посылаю тебе флаги европейских стран, чтобы ты узнал: лишь в восьми из 54-х флагов стран Европы нет красного цвета, в нескольких странах флаги целиком красные, а в остальных – на красном фоне лишь символы (герб, полумесяц и т. д.) обозначены другим цветом.

Если хочешь, мой друг, утвердить что-то рискованное, надо всё подробно изучить. Я хозяин своего слова. Могу напечатать твою повесть так, как ты написал. Но обязательно со своими комментариями вроде этого письма. Но стоит ли это делать? Подумай. Это будет расколом в патриотическом стане на радость врагам СССР и всяческим либералам. Поэтому – подумай, поработай ещё над текстом, если, конечно, согласен со мной.

Твой Ст. Куняев”.

* * *

“Родину свою надо любить с открытыми глазами” – изрѣк Чаадаев. А любить человечество – тоже? А если оно готово поработить, сожрать, схарчить и переварить в своём чреве твою Родину?

Если ты не будешь трезво понимать, что такое “человечество”, – так оно и может случиться.

Францию во времена Александра Первого русские люди, даже самые умные – Чаадаев, Карамзин, Пушкин, – “любили с открытыми глазами”. После наполеоновского похода на Россию любви поубавилось, открытость в их глазах сменилась задумчивостью, а то и прямой неприязнью.

После маркиза де Кюстина любить просвещённых европейцев русские уже стеснялись. А после Крымской войны любить Францию и вообще Запад стало уже неприлично.

Оказалось, что за освобождение Европы от Наполеона европейцы нас больше любить не стали: более того, стали ненавидеть, что пронизательно увидел Пушкин, когда написал в 1830 году в своей знаменитой отповеди европейским парламентариям:

*Так присылайте к нам, витии,
своих озлобленных сынов,
им место есть в снегах России
среди нечуждых им гробов.*

Кстати, синдром ненависти к России за освобождение Европы от Гитлера проявился у европейцев тоже, но, правда, с некоторым опозданием, через поколение... Надо было пройти нескольким десятилетиям, чтобы человечество подзабыло расистские зверства эпохи национал-социализма.

* * *

В Красноярске на совещании генералов бизнеса президент Медведев опять озвучил, как молитву “Отче наш”, свою любимую мысль о том, что “частный бизнес эффективнее государственного”, и добавил, отвечая на вопрос о том, не будет ли во время кризиса возврата к плановой экономике: “Мы наелись плановой экономикой за 70 лет”. А в это время происходило крушение отечественных “приватизированных” авиакомпаний, пассажиры сидели в аэропортах от Сахалина до Кёнигсберга сутками или даже неделями, поскольку поставщики авиационного керосина перестали его поставлять авиаперевозчикам, которые все поголовно задолжали им за топливо громадные суммы. Это было банкротство рыночной экономики, которой страна наелась за 15 лет до рвоты. А потом утонула “Булгария”, и несколько лайнеров, изношенных до предела, купленных по дешёвке у западных фирм, грохнулись на нашу грешную землю, сгорела набитая людьми пермская “Хромая лошадь”, а наш тинейджер всё потирал руки и твердил, как слабоумный: “частный бизнес эф-

фективнее государственного"... Да, если иметь в виду уничтожение людских ресурсов России, конечно, он эффективнее, нежели неповоротливый государственный.

* * *

Знаменитый поэт и лауреат Нобелевской премии в своё время писал о великой русской революции, которая "естественно вытекала из всего русского многотрудного и святого духовного прошлого" и "наполнила смыслом и поддержанием текущее столетие". Написано Пастернаком в 1957 году (после XX съезда и лживого хрущёвского доклада) к юбилею Октября.

Другой известный персонаж советской истории, архитектор перестройки А. Яковлев оценивал революцию как вечно присущую русской истории "парадигму насилия": "Большевизму не уйти от ответственности перед народом за насильственный и незаконный переворот 1917 года".

По мнению подобных ренегатов, любое движение народных масс, сотрясающее кору земной истории, "незаконно". Они не понимают того, что революции совершаются не по законам, что революция ломает все законы, какая бы она ни была: социалистическая, религиозная, национал-социалистическая, "демократическая", чтобы на обломках прежнего законодательства установить свои законы.

*У государства есть закон,
который гражданам знаком,
у антигосударства
не знает правил паства, —*

писал Борис Слуцкий. И добавлял:

*Но нет чернил у мятежа,
у бунта нет тетрадки.*

"Архитектор перестройки", как и Борис Пастернак, тоже кумир либеральной интеллигенции. Как она поклоняется одновременно обоим — не понимаю. Тот же Яковлев проклинал Сталина, сталинщину и сталинизм. А Пастернак (поэт, а не политик и не историк!) писал о нашей победе 1945 года:

"Победил весь народ сверху донизу, от маршала Сталина до рядовых тружеников и простых бойцов, и горестями и мечтами, мыслями"...

Господа либералы! Обоих персонажей истории — Пастернака и Яковлева — почитать одновременно невозможно! Шизофренией заболете...

* * *

Мир и Россия переживают страшную эпоху разрушения национальных государств, растления и распада национальной сущности. Деньги разрушают национальное естество жизни.

Ярчайший пример — физическая культура. Во всех странах за деньги играют наёмники — в футболе, баскетболе, волейболе... Вполне возможно, что ради олимпийских и прочих побед мы скоро начнём покупать пловцов, шахматистов, боксёров, теннисистов и т. д. Я уж и не говорю о спортивных тренерах.

В кино и в театре у нас появляются иностранные режиссёры, постановщики, танцовщицы, балеруны. Большой театр уже тронут этой порчей. Наука не отстаёт — в Сколково едут работать иностранные учёные. Не удивлюсь, если в правительстве скоро появятся иностранные высокооплачиваемые чиновники...

На наших самолётах скоро будут летать иностранные пилоты, на наших землях появляются иностранцы-фермеры. А что уж говорить о гастарбайтерах, о целых армиях дворников, парикмахеров, шоферов и прочих профессионалов, обслуживающих нашу бытовую жизнь.

Но, слава Богу, есть одна заповедная территория, в которую немислимо вторжение чужеземцев. Невозможно за деньги пригласить работать в Россию американского поэта, китайского прозаика, французского драматурга, польского историка. Невозможно на место главного редактора “Нашего современника” посадить “легионера” из другой страны.

Хотел я ещё добавить, что кроме литературы такой же высочайшей привилегией обладает Русская Православная Церковь, но рука с пером остановилась и задумалась, ибо для Церкви “несть иудей, ни эллин”, а значит, вера — выше национальной сущности, защита которой — дело нас, грешных, не забывающих о том, что “народы суть мысли Божии”, как сказал некогда отец Сергей Булгаков.

* * *

В больнице, куда меня положили на операцию, я обнаружил в тумбочке возле своей кровати книгу воспоминаний знаменитого в своё время выпускника Кембриджского университета, ставшего потом британским разведчиком, — Кима Филби. Когда он, по идейным соображениям долгие годы сотрудничавший с советским КГБ, получил в нашей стране политическое убежище, то просто-напросто влюбился в советскую жизнь с её общественным строем, её порядками, с её природой и её людьми.

Вот несколько отрывков из его книги “В разведке и в жизни”.

“Мой дом здесь, и хотя здешняя жизнь имеет свои трудности, я не променяю этого дома ни на какой другой. Мне доставляет удовольствие резкая смена времён года и даже поиск дефицитных товаров”...

Одновременно английский интеллектуал предпочерегает нас от увлечения западной культурой, которая сегодня заполнила нашу жизнь:

“Я тоскую по тем дням, когда в машинах не было приёмников. Я в ужасе от того, что эта варварская музыка докатилась до Советского Союза”...

А как глубоко и точны были его пророчества, которые, к сожалению, сегодня осуществились в мире и у нас во всей своей красе:

“Одним из достоинств советской социальной системы является жизнь за наличные. Здесь нет кредита, но нет и постоянного залезания в долги. Одному Богу известно, что произойдёт с западной экономикой, если вдруг потребуется уплатить все личные долги”... Как в воду глядел Ким Филби.

Англичанин до мозга костей, он понимал то, чего не могли, а скорее, не хотели понять все наши младореформаторы и что заставляет нас барахтаться в хаосе мирового кризиса, накрывшего страны и континенты.

* * *

Все три великих мировых войны начинались с провокаций, корни которых до сих пор остаются загадочными и глубоко скрытыми от непосвящённых умов.

О начале Первой мировой возвестил сараевский выстрел сербского студента Гаврилы Принципа.

О начале Второй мировой — нападение на немецкую радиостанцию в Глейвице немецких солдат, одетых в польскую форму.

Югославская часть Третьей мировой началась с кровавого уничтожения мусульман неизвестно чьими артиллерийскими залпами на рынке того же злополучного Сараево. Мировое сообщество преступницей этого злодеяния объявило Югославию. Когда же Югославское пламя III мировой начало затухать, то, чтобы оно разгорелось, была совершена самая крупная провокация в истории человечества — сокрушение “Боингами” двух американских небоскрёбов Всемирного торгового центра. Дорога человеческой истории в бездну была проложена.

Все эти события — дело рук не народов, а мировых элит. Народы, как трава, которая всходит, цветёт, увядает, перегнивает, давая пищу другим растениям. А элиты — это косари с косами.

Сергей Есенин знал эту тайну жизни:

*Видел ли ты,
Как коса в лугу скачет,
Ртом железным перекусывая ноги трав?
Оттого, что стоит трава на корячках,
Под себя коренья подобрал.
И никуда ей, траве, не скрыться
От горячих зубов косы.
Потому что не может она, как птица,
Оторваться от земли в синь.*

*Так и мы! Вросли ногами крови в избы,
Что нам первый ряд подкошенной травы?
Только лишь до нас не добрались бы,
Только нам бы,
Только б нашей
Не скосили, как ромашке, головы...*

* * *

В фильме “Полторы комнаты”, посвящённом жизни и творчеству Иосифа Бродского, есть сцена, в которой маленький мальчик Ося с жадностью рассматривает знаменитую кулинарную книгу сталинской эпохи “О вкусной и здоровой пище” и, глядя на соблазнительные картинки всяческих яств, роняет слюнки.

К Иосифу-мальчику подходит дядя с усами, похожий на Иосифа Сталина, и глумливо издеваясь над отроком, предлагает ему выбрать любое кушанье, а потом смеётся над обманутым ребёнком, говоря, что это всё лишь нарисовано... Словом, авторы сценария саркастически издеваются над советской эпохой, которая, создавая такие вот книги, якобы глумилась над своим голодающим народом.

Однако моя ребяческая память запомнила, как улучшалась год от года материальная жизнь в конце 30-х годов, постепенно уходя от голодных послеколлективизационных лет к более сытым 37-му, 38-му, 39-му годам... Я помню, как в 1940–1941 годах, перед самой войной, врачи маленькой больницы посёлка Губаницы Кингисеппского района, где работала моя мать, собирались на разные праздники в деревянных казённых домах, стоявших на территории больницы. Не раз собирались и в маленькой двухкомнатной квартирке с отдельным входом, где жили мы с матерью и отцом. И стол был накрыт немудрёной, но вкусной едой. Мне было тогда уже 7–8 лет, и я всё помню хорошо. Именно в один из этих предвоенных годов я попробовал и белый хлеб, и кефир, и какое-то шипучее сидро. Память детская сохранила эти ощущения. Несомненно, что после всех ужасов коллективизации жизнь налаживалась. А именно тогда, в 1939 году и вышло первое издание книги “О вкусной и здоровой пище”...

Создатели фильма о Бродском умолчали и о том, что отец Бродского был военным корреспондентом, бывшим вместе с нашими войсками на Востоке во время событий на озере Хасан и на Халхин-Голе... Он надолго задерживался на территории Северного Китая и, несомненно, выполнял какие-то важные задания, помимо своей журналистской работы, и привозил в Ленинград немало дорогих трофеев с этого театра военных действий... Что ни говори, не бедствовала эта семья в то время... А если уж говорить о кулинарных мифах сталинской эпохи, то не лучше ли вспомнить о том, как нынешнее ТВ с утра до вечера рекламирует всяческую изысканную пищу – морепродукты, роскошное мраморное мясо, дорогие сыры, пикантные соусы, заморские фрукты-овощи... Над всем этим царством изысканной еды на телеэкранах с утра и вечера колдуют повара в белых колпаках и халатах, профессионалы-диетологи, рядом с ними улыбаются и демонстрируют свои кулинарные способности всяческие известные актёры и актрисы, макаревичи и галкины, даже Хворостовский при помощи своего всемирно знаменитого баритона “впаривает” с экрана телезрителям какие-то чудесные конфеты...

И на всё это разноцветное, шипящее, сверкающее, соблазняющее царство экранного чревоугодия глядят десятки миллионов пенсионеров, которым

хватает только на картошку, хлеб и молоко, глядят многодетные семьи, ютящиеся в трухлявых домах, глядят спившиеся безработные со всех окраин великой страны... И все они роняют слюни, глядя на сказочные картины кулинарного рая *рублёвской эпохи*... И проклинаят нынешнюю жизнь, нынешнюю власть, нынешнее её глумление над живущим впроголодь народом такими проклятьями, которых не слышал мальчик Ося Бродский со своими фальшивыми слюнями над сосисками сталинской эпохи. Да Сталин и сам никогда не ел таких яств, которыми сегодня соблазняют нас с TV глумливые повара демократической кухни.

* * *

Сколько крика стояло в соловьёвской передаче “Поединок”, когда грудь на грудь сошлись Владимир Жириновский и кинорежиссёр Александр Бортко. Жириновский постоянно впадал в картинную истерику, визжал, ругался, оскорблял соперника, брызгая слюной. Всем своим поведением он напоминал мне персонажей с калужского базара послевоенных лет, на котором напёрсточники, картёжные шулера, изготовители денежных кукол, игроки в верёвочку и прочие мошенники, будучи пойманными за руку, впадали в раж, разыгрывали из себя контуженных душевнобольных, проливавших на фронте кровь мешками, не отвечающих от пережитых страданий за свои поступки. Базарных актёров такого рода здравомыслящие граждане называли “псих со справкой”...

— *Где вы были, коммунисты, в августе 1991 года!* — кричал Жириновский в лицо Бортко. — *За три дня ваша хваленая власть развалилась! Никто из миллионов коммунистов не вышел на улицу защищать её!* — И каждый раз, выкрикнув очередное обвинение, победно взмахивал руками, сверкал глазами и чуть ли не рвал дорогую рубаху на груди.

Бортко взывал к Соловьёву, чтобы тот унял юродствующего политика, но Соловьёв хохотал, картинно *вздымая очи горе*, мол, “не могу!” — нету сил унять Владимира Вольфовича. Присутствовавшая на поединке публика, у которой, видимо, от крика поехала крыша, совершенно обалдев, аплодировала и тому, и другому...

А, между прочим, несмотря на истерическое шутовство Жириновского, Бортко мог бы достойно и убедительно дать ответ на этот непростой вопрос, хотя бы тогда, когда либерально-демократический актёр противопоставил устойчивость и крепость монархического российского общества слабости общества советского, и вспомнить одну закономерность российской жизни, существовавшую во все времена русской истории...

В. В. Розанов в книге “Апокалипсис нашего времени” писал о Февральской революции:

“Русь слиняла в два дня. Самое большое — в три. Даже “Новое время” нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. <...> не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска...”

Владимир Вольфович, Вы злорадствуете, что “70-летняя советская власть” разрушилась и никто не встал на её защиту”, но объясните тогда, почему с 300-летней крепкой, якобы процветающей, не пережившей никаких “сталинских репрессий”, никакого “рассказачивания”, никакого “раскулачивания” монархической Русью произошло то же самое? Никакие миллионы не вышли на улицы и площади, не защитили великую династию, не сбросили в Неву и Москва-реку презренных масонов, образовавших сразу же после отречения императора Временное правительство? Почему никакой народ через девять месяцев, сразу же после взятия Зимнего дворца большевиками, на другой день не заполнил, как Нева, Дворцовую площадь и не выкинул из Зимнего большевиков, “кучку заговорщиков”, и не отстоял своё Временное правительство, которое, судя по визгу Жириновского, почему-то было легитимным?

Почему в 1927 году, когда Иосиф Сталин, в сущности, совершил государственно-партийный переворот, отстранив не менее популярного, нежели он сам, “вождя революции” Льва Троцкого от всех рычагов власти, никто из громадного числа поклонников легендарного палача и трибуна не вышел на площади и улицы столицы? Лишь в Ленинграде троцкисты организовали какую-то жалкую демонстрацию, которая тут же была разогнана рабочими и энкавэ-

дэшниками. После этого судьба Льва Революции была решена: его вместе с ближайшими родственниками и обслугой насильно усадили в поезд и отправили в Алма-Ату. И никто из фанатиков мировой революции, а их в 1927 году было в партии ещё предостаточно, не лёг на рельсы!

А когда после XX съезда КПСС и освобождения из ГУЛага множества политических заключённых Никита Хрущёв приобрёл в слоях интеллигенции (да и в народе) недолгую, но естественную популярность, и партийная верхушка осенью 1964 года в течение одного дня лишила его власти, превратив из хозяина страны в бессильного пенсионера, почему миллионы его сторонников не вышли на улицы и не вернули на Старую площадь своего кумира?

Да потому, что политическая суть российской истории, все государственные перевороты, все революции, все катаклизмы завязаны на то, что убирается одна-единственная харизматическая личность — Николай II, Лев Троцкий, Иосиф Сталин, Никита Хрущёв, — и столичная *пассионарная* часть общества, потеряв лидера, не знает, за кем и по чьему приказу, и с какими лозунгами выходить на улицу, а вся остальная масса населения, размазанная тонким слоем по великому пространству от Балтики до Владивостока, остаётся недееспособной. А если ещё вождь оказывается предателем, как это случилось с Горбачёвым, то растерянность и непонимание происходящего становятся фатальными и приводят общество к полному параличу...

Правда, в 1991 году исторической особенностью эпохи стал мартовский референдум, на котором более 70 процентов голосовавших высказались за сохранение Советского Союза.

Это и было своеобразным “выходом” масс, поверивших в демократию, на улицу! Именно в этой единственно-возможной форме была в те дни явлена воля народа... Так что Жириновский лжёт, говоря, что коммунисты и народ не вышли на улицу. Вышли. Но, к сожалению, без оружия, а всего лишь с бумажными бюллетенчиками в руках.

* * *

В последнее время всё чаще и чаще мы читаем в газетах и слышим с телеэкранов назойливое повторение одной и той же мысли: “у преступника нет национальности”. Формулировка изобретена якобы для того, чтобы не обижать племена, народы и этносы, к которым принадлежит преступник, и является венцом толерантного отношения ко всем опасным вопросам современно-го бытия. Каковы последствия этой якобы уже истины?

Преступник — это человек, которого надо допросить. Значит, надо выяснить, на каком языке он говорит, то есть узнать, кто он по национальности. Уже юридический тупик. Но если он не говорит по-русски, нужно найти переводчика, при помощи которого провести допрос и следствие. Аксиома трещит по швам, поскольку национальность — важнейшая особенность человека. Не меньшая, чем пол. Но подчиняясь диктату толерантности, мы не должны разделять людей по половому признаку. Разузнавать, какого пола преступник, означает лезть в его личную жизнь, унижать его допросами, процедурами осмотра и т. д. А если он гермафродит, неизвестно, какой половой ориентации — мужской или женской, — или педераст, или — ещё хуже того — трансвестит? Нельзя бестактными действиями во время следствия покушаться на собственное достоинство человеческой личности. Опасно также выяснять и его имя... Если он, допустим, Махмуд или Керим, то уже можно предположить, из какого он этноса... Однако если у него нет национальности, то у него, тем более, не может быть и расы... Выяснять, к какой расе принадлежит преступник, — это расизм высшей пробы! За это в цивилизованных государствах, где слова “еврей”, “негр” или “чёрный” вне закона, можно получить срок. Более того, следствию придётся закрывать глаза на все особенности преступника, которые связывают его не только с расой, но и с верой! Ежели, допустим, выколотят следователи из подозреваемого признание, что он мусульманин, отсюда рукой подать до того, какой он национальности. И фотографировать преступника нельзя ни анфас, ни в профиль, иначе по разрезу глаз, по цвету волос и т. д. можно многое предположить: кто он — китаец, индус или еврей. И цветных фотографий нельзя делать, потому что белый, желтый или чёрный цвет кожи красноречиво укажет на расовую принад-

лежность несчастного... Уничтожить десять миллионов краснокожих в Северной и Центральной Америке было можно, но назвать сейчас какого-нибудь “последнего могоканина” “краснокожим” — это преступление. Нельзя говорить об “испанских” экстремистах или “исламских” фундаменталистах — отсюда один лишь шаг до выяснения национальности. Некорректно употреблять словосочетание “чисто английское убийство” или “немецко-фашистские” захватчики. Преступники в современном мире не должны иметь ничего — ни расы, ни веры, ни национальности, ни имени, ни рожи, ни кожи, — потому что все эти особенности делают их людьми. А люди современному молоху глобализации не нужны. С них достаточно лишь инзэнэшного номера. Чудовище глобализма сначала разрушает традиционные человеческие сообщества — национальные государства и народы, — атомизирует общества, лишая человека способности защищаться при помощи всех особенностей, которые выработали за всю свою историю его племя, его народ, его этнос, его раса. А когда он остаётся без этой помощи один, то его, беззащитного, обдирают, как липку, и от плоти и души остаётся лишь номер... С точки зрения мирового правительства глобализаторов, человек традиционного общества, имеющий все средства защиты, — преступник, в будущем глобальном концлагере у него останется лишь одна “личная” примета — его номер... Это и есть “расчеловечивание”...

* * *

27 ноября 2012 года газета “Московский комсомолец” отметила на последней своей полосе в правом нижнем углу в рубрике “Дни рождения” нескольких юбиляров: футболиста Александра Кержакова, детского писателя Григория Остера и некоего, как они пишут, “рок-классика” Джими Хендрикса. Попала в этот изысканный список и моя скромная фамилия в следующем контексте:

“Станислав Куняев, 1932 г., поэт, публицист, экс-главный редактор журнала “Наш современник”.

Я прочитал и расхохотался: до сих пор после своего восьмидесятилетия сижу в кресле главного редактора, уходить на пенсию не собираюсь, поскольку нахожусь ещё в здравом уме и в твёрдой памяти. С чего бы “Московскому комсомольцу” отправлять меня в отставку? Однако вскоре я сообразил, что это мелкая месть мне за то, что я в числе многих писателей России поставил свою фамилию под письмом на имя Путина, опубликованным в ноябрьском номере журнала “Наш современник” за 2012 год. Письмо было о судьбе писательского городка Переделкино, и в нём стоял абзац, касающийся газеты “Московский комсомолец” и её главного редактора, печатавших чуть ли не в каждом номере телефоны всяческих “негритянок”, “мулаток”, “татарочек”, “студенток” и прочих специалистов по сексуальным услугам. Абзац этот, в котором “Московский комсомолец” был назван “московским сутенёром”, выглядел так: *“Интересно, а не на средства ли от публикации такого рода объявлений главный редактор “МК” Павел Гусев живёт в самой дорогой стране Европы — в Швейцарии? И платит ли он налоги с этих доходов? И не перевернулся ли в гробу или в урне, замурованной в Кремлёвской стене, ленинский соратник Яков Давидович Гусев-Драбкин, узнав, что его якобы потомок занимается столь сверхприбыльным бизнесом, близким к сфере сексуальных услуг? “О времена! О нравы!” — как сказали бы древние римляне.*

Как низко пала жёлтая газетёнка, борзописцы которой не нашли ничего лучшего, как поставить перед моей должностью крошечную приставочку “экс”! В прежние времена, споря со мной по всяким судьбоносным вопросам — о деле Бейлиса, о Холокосте, об истреблении русской национальной школы историков в 20–30-е годы, о “рассказывании” России, — Павел Гусев “спускал” на меня породистых овчарок жёлтой прессы: Игоря Золотусского, Василия Аксёнова, Марка Дейча, Семёна Резника, Геннадия Хазанова и т. д. А какие, помнится, роскошные заголовки были у этих материалов: “Кровавый навет”, “Пятый пункт”, “От них бы пощады ждать не пришлось” и т. д. А сейчас газетка скатилась до убогого дешёвого остроумия: *“экс-главный редактор!”* Одно слово — *вырожденцы...*

Шестого апреля 2013 года юрист Борщевский в передаче Владимира Соловьёва весьма своеобразно заступился за думцев, которые держат деньги в офшорах: “При таких наездах на них в Думе не останется интеллигентов, – задумчиво произнёс Борщевский и добавил: – А на их место придут кухаркины дети”.

Одна весьма интеллигентная вдова писателя, живущая в одном доме со мной, желая угодить мне, сказала при встрече о моём старшем внуке: “Хороший мальчик, сразу видно, что не слесарев сын”.

Профессор и преподаватель МГИМО Юрий Пивоваров в телевизионном поединке “Битва за историю”, будучи членом команды телевизионщика Млечина, заявил: “Советский человек – это антропологическая катастрофа”...

Я исхожу из того, что “кухаркины дети” – это выходцы из простонародья, и вот что думаю по поводу всего сказанного. Конечно, этот советский “антропологический” недородок “совершил” непростительное преступление, не позволив “антропологически совершенным” арийским особям одержать победу над “унтерменшами”. Конечно, в этом виноваты дети сапожников Сталин и Жуков, дети крестьян Твардовский и Конёнков, дети рабочих Косыгин и Кожедуб. Не менее страстно, чем Борщевский и Пивоваров, их презирал знаменитый поэт советской эпохи, вышедший из среды антропологически совершенных профессиональных революционеров-аристократов, который даже сочинил стишок о советских “недочеловеках”:

*Кухарку приставили как-то к рулю,
она ухватилась, паскуда.
И толпы забегали по кораблю,
надеясь на скорое чудо.*

*Кухарка, конечно, не знала о том,
что с ними в грядущем случится.
Она и читать-то умела с трудом,
ей некогда было учиться.*

*Кухарка схоронена возле Кремля,
в отставке кухаркины дети.
Кухаркины внуки снуют у руля,
и мы не случайно в ответе.*

Конечно, отпрыск революционеров-аристократов Булат Шалвович Окуджава имел полное право смотреть свысока на эту простонародную чернь, вроде Шолохова, Есенина, Георгия Свиридова, Ивана Конева, Юрия Гагарина, Валерия Чкалова, Николая Рубцова...

Такой вот аристократический социальный расизм образовался в нашем обществе за последние четверть века! Люди забыли о том, что до революции почти половина населения России не умела читать и писать. Что ликбез, на занятиях которого моя крестьянская бабушка Дарья Захарьевна по слогам повторяла: “Мы не рабы – рабы не мы”, – не выдумка большевистского агитпропа, а реальная действительность. Что избы-читальни, лампочки Ильича, чёрные тарелки радио на свежих телеграфных столбах в деревнях России были не мифом вроде нынешнего Сколково, а настоящим “национальным проектом”, после осуществления которого появилась надежда на то, что страна создаст из “кухаркиных детей” многомиллионные армии учителей, врачей, агрономов, строителей городов, лётчиков, геологов, железнодорожников, писателей, актёров...

Эти простые, но великие истины хорошо понимал один из талантливейших “кухаркиных детей” – поэт Ярослав Смеляков, написавший после войны стихотворение о советской женщине двадцатых годов:

*Сносились мужские ботинки,
армейское вышло бельё,
но красное пламя косынки
всегда освещало её.*

*Любила она, как отвагу,
как средство от всех неудач,
кусочек октябрьского флага —
осеннего вихря кумач.*

*В нём было бессмертное что-то:
останется угол платка,
как красный колпак санжюлота
и чёрный веночек моряка.*

*Когда в тишину кабинетов
её увлекали дела —
сама революция это
по каменным лестницам шла.*

*Такие на резких плакатах
печатались в наши года:
прямые черты делегатов,
молчащие лица труда.*

(1945)

Такое лицо было у моей матери и у её старших сестёр: тёти Поли и тёти Дуси, то есть у трёх дочерей моей бабушки Дарьи Захарьевны, калужской крестьянки, которая, споря с моей матушкой, острой на язык и часто ругавшей советскую власть, говорила ей:

— Ты, Шурка, советскую власть не ругай, я вот неграмотная, а ты при этой власти два института кончила...

* * *

Посмотрел по телящику фильм “Белый тигр”, поставленный Кареном Шахназаровым, о поединке советского танкиста Петрова, почти сгоревшего в танке, но каким-то мистическим чудом выжившего для того, чтобы объявить охоту на таинственный немецкий танк “Белый тигр”, которая может закончиться лишь окончательной гибелью одной из сторон.

“Белый тигр” неуловим. На него организуются облавы из целых танковых частей, но он появляется на поле боя всегда неожиданно и всегда с самой неуязвимой для себя стороны, расстреливает советские “тридцатьчетвёрки” и уходит, как невидимка, чтобы появиться там, где его не ждут.

В последней дуэли один на один Петров выследил—таки врага, выстрелил первым и подбил башню “Белого тигра”. Казалось бы, конец, башня закинута, но тут орудие “тридцатьчетвёрки” разрывается от последнего залпа, и подбитый зверь войны уползает в туман. Фильм заканчивается клятвой нашего танкиста в том, что окончательная победа над мировым злом будет одержана после того, как будет сожжён этот бессмертный символ зла.

Однако в нескольких последних кадрах из тьмы выплывает фигура человека с чёлкой на лбу, в профиль похожего на Адольфа Гитлера, с печалью произносящего в пространство монолог о том, что он должен был выиграть эту войну: “Мы нашли мужество осуществить то, о чём мечтала Европа... Разве мы не осуществили мечту каждого европейского обывателя... Они всегда не любили евреев...”

Всю свою жизнь они боялись этой страны на востоке... этого кентавра... России. Разве мы придумали что-то новое?... Мы просто внесли ясность в то, где все хотели ясности...

Теперь же немецкий народ сделают виновником всего...”

Так почему же он проиграл эту схватку с “азиатско-русскими варварами”, на которую получил благословение всей цивилизованной и объединённой его волей Европы?... Вскоре после просмотра этого фильма я раскрыл книгу Василия Белова “Час шестый”, вручённую мне к моему семидесятилетию с дарственной надписью: “Дорогие Галя и Стасик! Я вроде бы дарил вам этот “кир-

пич". История его (такого издания) — почти детективная история. Если будете читать, это заметите. Ах, не зря говорится, что кого Господь решит наказать, того Он лишит памяти... Только читать надо внимательно. Может, у вас уже имеется эта книга? Пусть будет и эта в честь твоего, Стасик, юбилея! До свидания. Белов 15 июля 2003 г."

Я взял толстенный том (950 страниц!) в руки, и он вдруг раскрылся на титульной странице второй части, озаглавленной "Год великого перелома. Хроника начала 30-х годов". На обороте титульной страницы в её центре стояла колонка текста, прочитав который я понял, почему Белов попросил меня "читать внимательно" и почему он написал уже для всех нас о том, что "кого Господь решит наказать, того Он лишает памяти"...

В центре страницы была цитата из Энгельса, чей профиль навсегда впечатался в мою память с детских лет, когда на первомайских послевоенных демонстрациях он был впяан на знамёнах в один ряд с Марксом, Лениным и Сталиным. Немец, еврей, грузин и Ленин, — "четверо евангелистов", написавших, по убеждению Белова, теорию революции и практику коллективизации. Текст Энгельса, выделенный Беловым в центр страницы, гласил:

"Всеобщая война, которая разразится, раздробит славянский союз и уничтожит эти мелкие тупоголовые национальности вплоть до их имени включительно."

Да, ближайшая всемирная война сотрёт с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы, и это также будет прогрессом".

"...Мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в славянских землях Австрии... Мы знаем, что нам делать: истребительная война и безудержный террор".

Фр. Энгельс".

Страшные слова и мысли, которые почти буквально и не раз повторил Адольф Гитлер на страницах зловещей книги "Майн кампф"...

Борьба белой цивилизованной Европы со славянством, с азиатством, с восточным варварством, с "реакционными народами" и "мелкими тупоголовыми национальностями"... Вот какова была программа Европы и при Наполеоне, и при Меттернихе, и при Бисмарке, и при Энгельсе, и при Гитлере... Недаром Вадим Кожинов писал о том, что Восточная Европа, в сущности, является "кладбищем" многих славянских этносов, перемолотых немецко-тевтонской силой.

Так чем же взгляды марксиста Энгельса отличаются от взглядов национал-социалиста Адольфа Шикельгрубера или Иозефа Геббельса, называвших всех без исключения славян "варварами", "татарами", "азиатами"? Означает ли это, что германский менталитет сильнее мировоззренческих, идеологических, политических, партийных и даже религиозных разногласий? Неужели знаменитые слова Сталина о том, что "Гитлеры приходят и уходят, а германский народ остаётся" мы поняли неправильно, решив, что сущность "Дранг нах Остен" заключается в гитлерах, а на самом деле она заключается и в энгельсах и, может быть, в самой генетике, страшно сказать, немецкого народа?

Как бы там ни было, но Белов создавал свою последнюю книгу о трагедии русского крестьянства, думая об этом. И перекличка его мыслей с монологом Гитлера из фильма "Белый тигр" — не случайное совпадение...

То, что пронизательный историк Иосиф Сталин догадывался об этой извечной европейско-германской мечте, изложено в воспоминаниях югославского политика Милована Джиласа, который встречался со Сталиным незадолго до окончания Второй мировой войны: "Он без подробных обоснований изложил суть своей панславистской политики:

— Если славяне будут объединены и солидарны — никто в будущем пальцем не шевельнёт. Пальцем не шевельнёт! — повторил он, резко рассекая воздух указательным пальцем.

Кто-то высказал мысль, что немцы не оправятся в течение последующих пятидесяти лет, но Сталин придерживался другого мнения:

— Нет, оправятся они, и очень скоро. Это высокоразвитая промышленная страна с очень квалифицированным и многочисленным рабочим классом и технической интеллигенцией, лет через двенадцать-пятнадцать они снова бу-

дут на ногах. И поэтому нужно единство славян. И вообще, если славяне будут едины – никто пальцем не шевельнёт”.

Пророческие слова, но нет пророка в своём Отечестве... И памятник Фридриху Энгельсу гордо высится напротив храма Христа Спасителя.

* * *

27 ноября 2002 года, в день, когда мне исполнилось 70 лет, я затемно проснулся, быстро оделся и открыл входную дверь. Но за спиной раздался голос жены:

– Ты куда?

– Я за газетами. Надо посмотреть, что они пишут о моём юбилее. Прочитаешь и, наконец, поймёшь, с кем живёшь всю жизнь, – пошутил я и побегал вниз по лестнице.

На улице сеял мелкий снег. Было холодно и сыро. Но дышалось легко. В рассветной полутьме возле газетного киоска толпилась очередь. Подойдя к окошку, я спросил газету “Завтра”, в которой должна была выйти беседа со мной. В ярко освещённом кубе киоска, как рыбы в аквариуме, плавали две киоскёрши. Одна из них деловито и холодно ответила мне:

– Этой националистической газетой мы не торгуем.

– Тогда дайте “Советскую Россию!

Но ответ был неутешительный:

– Коммунистической прессы у нас нет!

Я схватился, как за соломинку, за “Комсомолку”, вспомнив, что в ней должны быть опубликованы мои стихи:

– Было четыре экземпляра – все продали!

Спиной я почувствовал, что очередь людей, жаждущих схватить в киоске какое-нибудь чтиво и нырнуть в метро, начинает ненавидеть меня, и в отчаянье прокричал киоскёршам:

– Ну, дайте хоть “Литературку” или “Труд”! – в них, как мне помнилось, что-то должно было появиться о моём юбилее.

– Нет ни того, ни другого! – последовал ответ не на шутку разгневанной киоскёрши. Я взбеленился:

– А что же у вас есть?!

– Только “Московский комсомолец”!

– Ах, вы только жёлтой прессой торгуете? Да взорвать бы ваш киоск!

И эта была роковой ошибкой с моей стороны, поскольку на днях в Москве прогремел взрыв в одном из подземных переходов. Обе киоскёрши – крепкие, розовощёкие, наглые – в ярости высунули свои мордочки в окошко:

– Отойти от киоска, старый козёл!

... Униженный и оскорблённый, я повернулся спиной к этим ведьмам и побрёл домой без единой газетки. Ноги мои вдруг потеряли упругость и стали шаркать по мокрому асфальту.

– Ну, где твоя хваленая пресса? – спросила меня жена. Я развёл руками и рассказал ей про своё унижение.

– Не огорчайся! – утешила меня Галя. – Сейчас приедешь на работу, тебя сотрудники поздравят, цветы преподнесут, ты сразу и помолодеешь!

Позавтракав, я вновь пошёл к метро, спустился в его чрево, пройдя мимо мерзкого киоска, дошёл до турникета и стал искать в карманах “Карточку москвича”, дающую право на бесплатный проезд, но быстро понял, что забыл её дома. Женщина в форме, стоявшая возле турникета, естественно, преградила мне дорогу:

– Дорогая! Пропусти, ради Бога! Карточку я забыл, а подниматься по лестнице за билетом неохота! – но женщина в форме была сурова не менее, чем киоскёрши:

– Не теряйте времени на разговоры, подымитесь и купите билет!

Я взмолился:

– У меня сегодня день рожденья, мне семьдесят лет исполнилось, вот, поглядите мой паспорт!

Я протянул блюстительнице порядка свою “краснокожую паспортину”, но она оскорблённо отстранила мою дрожащую руку и холодным казённым голосом отчеканила:

– Не издевайтесь надо мною, молодой человек!
Вот так вот в течение получаса мне удалось побывать и “старым козлом”, и “молодым человеком”.

* * *

В августе 2013 года во многих телевизионных передачах появились сюжеты, посвящённые 80-летию со дня завершения в 1933 году строительства Беломоро-Балтийского канала, сделавшего Москву портом пяти морей: Балтийского, Белого, Чёрного, Каспийского и Азовского.

Конечно, это была одна из самых великих строек первой пятилетки, конечно, канал, который работает и до сего времени, помог стране осуществить индустриализацию, победить в Великой Отечественной войне, связать воедино хозяйственную жизнь европейской части Советского Союза. Но об этом ни в одной из телевизионных передач не было сказано ни слова. А говорилось об одном: что Беломорканал был плодом подневольного концлагерного труда, что погибло во время этой стройки социализма неимоверное число заключённых, что воды его затопили такое-то количество городов, деревень и посёлков. Всё это действительно имело место быть. Но когда дикторы ТВ и картинки с телеэкранов стали доказывать, что в преступном строительстве канала силами зэка главными историческими фигурами являлись Сталин и Горький, я подумал, что в который раз история человечества разыгрывает сцену из древне-еврейской жизни, когда все преступления истинных грешников возлагаются на двух козлов отпущения, из коих один приносится в жертву грозному богу Яхве, а другой, обременённый всем грузом грехов, изгоняется в пустыню, дабы настоящие преступники могли облегчённо вздохнуть и сказать всему миру, что их совесть чиста и они ни в чём не виноваты. В своём эпохальном труде “Двести лет вместе” Александр Солженицын, вспоминая о том, что 5 августа 1933 года в газете “Известия” был опубликован указ о награждении в связи с завершением строительства Беломорканала высших руководителей стройки – Г. Ягоды, М. Бермана, С. Фирина, Л. Когана, Я. Рапопорта и Н. Френкеля – орденами Ленина, пишет: *“Все их портреты крупно повторены были в торжественно-позорной книге “Беломорканал”, формата, как церковное Евангелие <...> И вот 40 лет спустя я повторил эти шесть портретов негодяев в “Архипелаге” – с их же выставки взял, и не выборочно, а всех управителей, кто был помещён. Боже – какой всемирный гнев поднялся: как я смел?! Это антисемитизм! Я – клеймённый и пропащий антисемит. В лучшем случае, приводить эти портреты был “национальный эгоизм” – то есть русский эгоизм! И поворачивается язык, когда на соседних страницах “Архипелага”: как позорно замерзали “кулацкие” пареньки под тачками. А где же были их глаза в 1933-м, когда это впервые печаталось?”*

Если бы Солженицын дожил до августа 2013 года, увидел и услышал бы, что во всей истории Беломорканала виноваты лишь два “козла отпущения” – Сталин и Горький, – то не знаю, как со Сталиным, именем которого канал был назван, но за Алексея Максимовича Горького он бы точно заступился, поскольку знал, что “торжественно-позорную” книгу о строительстве Беломорканала, в которой были представлены шестеро “негодяев” высших руководителей ОГПУ и ГУЛага с еврейскими фамилиями, писали 34 советских писателя, из которых лишь 12 были русскими, а остальные 22 выродками из того же племени, что и Генрих Ягода со своими подручными. Так что не получилось у сегодняшних мошенников из разных СМИ все грехи великой стройки списать на двух “козлов отпущения” – на Сталина и Горького. “Козлов” этих было куда больше. И фамилии их навсегда запечатлены и в истории, и в памяти народной.

Между тем, память человеческая коротка. Некто Александр Мельман, обозреватель газеты “Московский сутенёр” (главный редактор Павел Гусев), опубликовал на её страницах свои размышления под заголовком “Тучи ненависти” в номере от 21 сентября 2013 года.

Начинается материал с торжественного утверждения: “Я еврей”. Дальше Мельман вспоминает о том, что когда-то он стеснялся своей национальности и даже отрёкся от своего отчества (был Иосифович, а стал Юрьевич), хотя от фамилии, гораздо более “еврейской”, нежели отчество, не отрёкся и пластическую операцию своего более чем еврейского лица не сделал. Однако муд-

рый папа, узнав, что сынок представляется Юрьевичем, резко поговорил с ним, и в результате Мельман-младший, как он пишет сам, “на каждом шагу стал всем сообщать о своём происхождении, стал очень-очень громко петь “Хава нагила” и “Гевейну Шолом Алейхем”... Одновременно он сообщает, что “антисемитизма в своей жизни я лично не чувствовал. Никогда. И от этого не очень понимал тех своих соплеменников, кто говорил об этом”... Словом, в душе “Юрьевича” возникли все эти комплексы, видимо, после разговора с папой Иосифом. Но этого мало. Масла в этот огонь, оказывается, подлил Жириновский, накричавший на коллегу Мельмана Матвея Ганапольского:

“Подлец, Ганапольский! Когда я сказал всем, что ты еврей, сразу исправился. Вы всегда всё врётё. Отсюда антисемитизм, Ганапольский. Это не только я говорю, я сам полукровка. Вся страна ненавидит вас за это”...

И тут от криков Жириновского у Мельмана от негодования возник прилив таинственных сил: “И тогда сразу просыпается некое генетическое чувство, зов предков. Незримо как-то вспоминается другое время. До боли, до кончиков пальцев, до кислого неприятного вкуса на губах. Когда били не по паспорту, а по морде”. Мельман, который “антисемитизма в своей жизни лично не чувствовал”, вспомнил подробности разговора с папой: “Моему папе было 10 лет, он учился в третьем классе. Его тогда избивали каждый день за то, что его звали Иосиф Шмулевич Мельман. И таких избитых, униженных и оскорблённых было очень много. Но Сталин вовремя умер”...

Я учился в калужской школе № 9 в 1949–1951 годах, в период борьбы с космополитизмом. У нас в классе из 20 человек было трое евреев — Наум Гольдин, Борис Горелов, Юра Левин. Никто их не бил и не унижал, они были такие же, как все мы. Так же занимались спортом, так же ходили на калужские танцплощадки, так же списывали контрольные по математике и по русскому — то мы у них, евреев, то они у нас, русских... А потому не верится мне, что Мельмана-старшего ежедневно избивали “по национальному признаку”.

Но если уж копать глубоко, то “тучи ненависти” (антисемитской) в нашей стране действительно могли сгущаться, но не тогда, когда Мельман-старший учился в третьем классе, а гораздо раньше...

Может быть, тогда, когда Яков Свердлов написал, а Ленин подмахнул в 1918 году “Декрет об антисемитизме”, после которого офицеров, дворян, священников, русских интеллигентов да и выходцев из простонародья безо всякого суда за антисемитское слово просто ставили к стенке... Не случайно “Декрет” был подписан и обнародован буквально через 10 дней после расстрела царской семьи, которым руководили Янкель Юровский с Пинхусом Войковым. Свердлов с Лениным были людьми неглупыми и понимали, что после такого дела уровень антисемитизма в России не может не подняться, и заранее заготовили текст декрета. Как говорится, чует кошка, чьё мясо съела. Простительно Мельману-младшему не знать этого, но Мельман-старший должен был рассказать сыну об этих обстоятельствах. Мельман-младший пишет, что “в нормальной стране” на Жириновского “тут же завели бы уголовное дело, отдали бы под суд”, однако по “Декрету об антисемитизме” никакого судебного разбирательства не требовалось. Ты сказал, кому-то что он еврей, — и “к стенке”. Об этом писал Валентин Катаев в повести “Уже написан Вертер”, вспоминая страшную трагедию русских офицеров, сдавшихся в плен в Крыму в 20-м году и расстрелянных или утопленных в Чёрном море по приказу Бела Куна и Розалии Землячки-Залкинд; об этом писал Юрий Домбровский в романе “Факультет ненужных вещей”... Об этом времени мне рассказывал Олег Васильевич Волков, проведший в 20–30-х годах четверть века в ссылках и лагерях, которые с лёгкой руки политического мошенника Хрущёва называются “сталинскими”. Это лукавая формулировка. Александру Юрьевичу Мельману надо бы знать, что 30-е годы были годами Ягоды, который руководил ОГПУ — НКВД, что в это время ГУЛАгом командовал Матвей Берман (сменивший Л. Когана) со своими тремя заместителями Я. Раппопортом, З. Кацнельсоном и Н. Плиннером; что в конце ноября 1936 года к юбилею ВЧК — ОГПУ — НКВД в газете “Известия” был опубликован список комиссаров госбезопасности I, II и III рангов, представленных к правительственным наградам. Всего в списке 42 человека, из них ровно половина — выходцы из местечкового еврейства. Остальные 20 человек — русские, украинцы, белорусы, грузины, поляки, — словом, представители десятков национальностей Советского Союза. Точно так же более чем половиной тюрем на территории СССР командовали

соплеменники Ягоды и высшего руководства ГУЛага. Эти данные взяты не из эмигрантских “черносотенных сочинений”, а из вполне демократических исторических исследований, сделанных при участии “Мемориала” и Солженицынского фонда: “Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923–1960 годах”. М., “Звенья”, 1998; “Россия. XX век. Документы. ГУЛаг. 1918–1960 годы”. М., 2002; Международный фонд “Демократия”; “Материк”; Солженицын А. П. “Двести лет вместе”. М., Вагриус, 2006 и т. д. Вспомним ещё книгу Г. В. Костырченко “Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм” (М., “Международные отношения”, 2002), которая была издана при финансовой поддержке Российского еврейского конгресса и которая утверждает, что “с 1 января 1935 г. по 1 января 1938 г. представители этой национальности (какой – лучше не уточнять. – **Ст. К.**) возглавляли более 50% основных структурных подразделений центрального аппарата внутренних дел” (с. 110).

Можно себе представить, сколько крови было пролито в учреждениях, руководимых такими кадрами, сколько невинных людей прошли через их руки, сколько подписей под приговорами они поставили за время своего господства...

Так что, вполне возможно, что мальчика Мельмана-старшего били в школе, и это было вполне понятно, поскольку после таких 20–30-х годов в стране были созданы все условия для ненависти, окрашенной антисемитизмом. Мельман-младший плохо знает историю. А если допустить, что обидчиками Мельмана-старшего были дети, семьи которых пострадали от отцов ГУЛага... Так что не надо бы Мельману-младшему впадать в истерику: как говорит русская пословица: “Не буди лиха, пока оно тихо”...